

Кузьмичев И. Труд и характер / И. Кузьмичев // Навстречу будущему : сб. ст. молодых критиков / сост.: Б. Е. Галанов, А. Н. Макаров. – Москва, 1962. – С. 227-233.

Снятие конфликта в романе «Заноза» пошло и по другой линии. Изображая любовь, Лидия Обухова прислушивается не столько к ее современному дыханию, сколько стремится проникнуть в ее «природную» первооснову. Отсюда многочисленные рассуждения об «извечной вражде» женщины и мужчины, о женском коварстве, которым владеет «каждая дочь праматери Евы», об «инстинктивном» характере связи мужчины и женщины и т. д.

Сами по себе эти рассуждения порой наивны, о них не стоило бы и говорить, если бы сама писательница не придавала им серьезного значения. Между тем при помоши их она стремится нередко «осветить» те или иные поступки своих героев. Так, например, Синекаева она рисует не просто безнадежным догматиком в подобных делах, а человеком, который находится на пути постижения «философии любви». Незадолго перед решительным объяснением с Тепловым Синекаев сам испытал ее непреодолимую силу, оставшись наедине с женой Павла Ларисой. До этого он не подозревал, «что это может накалять так внезапно». Но то, что открылось секретарю на сорок девятом году жизни, оказывается извечным законом природы, с которым надо считаться. «Когда природа сталкивает мужчину и женщину, ей нет дела до окружающего: она хочет, чтобы они соединились».

Через любовь можно проверить, «...в какой мере естественное поведение человека стало человеческим, или насколько человеческая сущность стала для него естественной сущностью...»¹ А это значит, что любовь «вообще» нуждается в конкретном изображении, то есть опять-таки на основе дела, дела сего-дняшнего дня.

3

Право на счастье, а также и на симпатию читателя, на «звание» героя нашего времени не дается, оно завоевывается в конкретной практической дея-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, стр. 587.

тельности, в труде. Таков закон социалистического общежития, который, к сожалению, плохо усвоил герой Лидии Обуховой. Иным на первый взгляд выступает Андрей Бирюков в романе «За бегущим днем» В. Тендрякова. Вернувшись с фронта, он едет из Густого Бора в далекую Москву, хочет стать художником, но, убедившись, что таланта живописца у него нет, возвращается в провинцию, заканчивает педагогический институт и попадает по назначению с молодой женой, тоже учительницей, в Загарьевскую школу, ищет новых путей преподавания, преодолевая отчаянное сопротивление директора школы и равнодушие учителей. Здесь же он находит и большую любовь. Казалось бы, у Андрея Бирюкова все есть, чтобы стать героем нашего времени. Однако Андрей Бирюков оказался «сундучком с секретом». Критика вот уже в течение полутора лет никак не может разгадать этот секрет. Одним Бирюков кажется творческой личностью, человеком наших дней, другие, наоборот, видят в нем пессимиста, мелкого, себялюбивого человека, достойного всяческого порицания, трети избирают некую среднюю линию и сетуют на то, что В. Тендряков не осудил некоторые неприятные черты своего героя.

Бирюков действительно не похож на обычных положительных или отрицательных героев. Он, пожалуй, больше, чем все другие герои-коллективисты, созданные Тендряковым, рассуждает о коллективизме и остается... одиночкой. Он утверждает, что лишен тщеславия, а на деле очень тщеславен. Ему кажется, что он любит людей, но он же их делит на две неравные части: на бесталанных (массу) и людей с «искрой божией», каких меньшинство. Первых он презирает, вторым горько завидует и т. д. При субъективном подходе критику легко выделить то одну, то другую сторону характера. Главное же заключается в том, что никто из критиков не попытался проанализировать противоречивость героя. Исключение составляет И. Виноградов. Но и он противоречивость героя увидел лишь в противоречии чисто психологического

порядка, во временном и безобидном разладе между чувством и разумом¹.

Между тем ключ к разгадке образа Бирюкова можно найти в известном письме Ленина к Горькому: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне. Т. е. можно понять психологию того или другого участника борьбы, но не смысл борьбы, не значение ее партийное и политическое»².

В. Тендряков, изображая учителя советской школы, недостаточно глубоко проник в действительные трудности этого дела, не окунул своего героя в жизнь нынешней школы со всеми ее сильными и слабыми сторонами, а пустил его по пути весьма сомнительного новаторства, по пути открытия давно открытых педагогических приемов. Критики не видят в этом какого-либо греха со стороны автора и считают для себя нескромным вникать в суть конкретной перестройки, которую намеревается осуществить Бирюков. Роман Тендрякова, говорят они, «нечто совсем иное, нежели беллетризованный трактат о специальных вопросах методики преподавания», и предоставляют судить по этим вопросам педагогам, даже надеются, что вокруг романа разгорится спор специалистов, подобный тому, который развернулся в свое время в связи с выходом «Пловучей станицы» В. Закруткина и особенно «Русского леса» Л. Леонова. Но полемики нет. Дело не в неосведомленности критиков или апатичности учителей, а в том, что специалистам, по существу, спорить-то не о чем: Бирюков как педагог-новатор малоинтересен. Он слабо раскрыт в своей всесторонней конкретной практической деятельности.

Работа педагога зависит не только от него самого или директора, но и от общего режима школы, от коллектива учителей. Бирюков воспитывает свой класс не один, а вместе с десятком своих товарищей. Его усилия в той или иной степени зависят от пионер-

¹ См. И. Виноградов, «За бегущим днем». «Вопросы литературы», 1961, № 1.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 355.

ской организации и особенно семьи. Мы, разумеется, не собираемся приставать к писателю с ножом к горлу, почему не показана пионерская организация? Но все же эти жизненные связи должны быть как-то отражены. Между тем Андрею словно и в голову не приходит, что у Кочкиных и Юрченко есть семьи. Бирюков, судя по роману, за все годы не только не встретился ни с кем из родителей, но даже и не почувствовал в этом потребности.

У Бирюкова большое стремление к творчеству. Но в наше время мало хотеть, надо уметь, ибо мы строим коммунизм не умозрительно, а конкретно. Устремления сами по себе, какими бы они благородными ни были, еще не составят суть характера героя современности.

Иногда говорят, что Андрей Бирюков «пересознадает себя и еще только в самом начале этого пути». Но где начинается его путь? «Обычные» люди его поколения начинали жизнь у пионерских костров, с чтения горьковской «Матери» и восхищения Павлом Корчагиным и Оводом. О нашем герое известно только, что он очень любит Толстого, меньше Достоевского, но «не прочь полакомиться и Конан-Дойлем». Когда-то любил уроки истории, но теперь все перезабыл. Вот и все, что можно узнать о его духовных истоках. «Не очень-то отчетливая характеристика», — иронизирует герой сам над собой и почти ничего не прибавляет к сказанному на протяжении сотен страниц. Трудно найти «начало» пути, ту опору, от которой отталкивается герой.

Реалистическое искусство вообще, социалистическое в особенностях, всегда конкретно, всегда исторично. Печорин — младший брат Онегина. Между Рахметовым, Павлом Власовым, Корчагиным и молодогвардейцами существует незримая преемственная связь. Герои нашей советской классики, ошибаясь, заблуждаясь, страдая, борясь, идут из старого мира нesправедливости в мир свободы, в социализм. Тропинка, проложенная горьковской Ниловой, превратилась в столбовую дорогу советской литературы. Андрею Бирюкову, как представителю современного

молодого поколения, нет необходимости повторять тернистый путь Ниловны. Он социализм получил в наследство. Как же он относится к своему наследству, как *на деле*, а не на словах увеличивает и умножает свое богатство?

Он ни на минуту не сомневается в незыблемости социалистических устоев. Ему даже в голову не приходят подобного рода идеи. Социализм для него естествен, как воздух. Бирюков — «страшно свой» человек. Это отнюдь не двойник ремарковского героя «Возвращения», как в этом пытается уверить читателей ленинградский критик Т. Наполова¹. Андрею искренне хочется улучшить жизнь, двинуть ее вперед, объявить беспощадную войну всему, что мешает, что тормозит строительство социализма. Он готов поступиться личным покоем, благополучием, ему претит мещанско счастье, бездумная жизнь. С жаром молодости он обвиняет директора школы Степана Артемовича в консерватизме, в отсталости, в догматизме. И этот порыв радует, заставляет уважать Андрея, надеяться на него. Но его эмоции, чувства не всегда соответствуют его мыслям и делам, слову и поступкам. Герой не созрел еще интеллектуально, чтобы направить свои благие порывы на достижение практических результатов. Он «наш» постольку, поскольку выражает горячее желание изменить к лучшему то, что есть. Но он нередко теряет ориентировку, когда переходит от непосредственного, эмоционального, так сказать, первичного ощущения действительности к поступкам, выражаются ли они в попытке самостоятельно сформулировать те или иные мысли или в свершении определенных действий.

Почему это происходит — сложный вопрос, художником не раскрытый. Но у героя Тендрякова это можно было бы объяснить своеобразным нигилистическим отношением к опыту своих предшественников. Весь устремленный в будущее, он не оглядывается на историю, не любит предаваться воспоминаниям, искать причины того или иного явления в прошлом.

¹ «Звезда», 1961, № 1, стр. 191.

Ему (это в наш-то век!) не свойственно историческое мышление. Не обремененный традициями, он привык доверяться лишь самому себе.

Кто его учил? Если верить Андрею, никто. «Сам себе во князьях сидел», когда жил в Густом Бору и рисовал понемногу. О своих институтских профессорах вспоминает с ненавистью («лилипуты»). Педагогическая литература, на которую он набросился, проклиная Krakовского и Никшаева, «особой дерзостью не отличается». Рукопись Ткаченко о новых методах обучения, которую через учителя Лещева достала Ващенкова, первоначально порадовала его, но вскоре она начинает казаться ему ни больше ни меньше как схемой, к тому же весьма мало разработанной.

Учителя, товарищи по работе, настолько, на его взгляд, серы и неинтересны, что он не может с ними даже поделиться своими мыслями («ни высказать, ни посоветоваться, ни спорить»). Старейший педагог, патриарх школы, который очень доброжелательно относился к Бирюкову, к его начинаниям, не внушиает ему доверия: «Мне у него учиться нечему, а ему у меня поздновато, да и, пожалуй, зазорно».

«Расчистив» таким образом поле для творчества, он один ринулся в будущее, не заботясь о том, пойдут ли за ним учителя. Впрочем, он считает себя первооткрывателем, разведчиком, прокладывающим путь для «массы», для «всех». Он творит не с массой, а как кустарь-одиночка. Сам он не опирается на историю советской школы и походя перечеркивает тридцатилетний опыт Степана Артемовича. В этом отношении герой так последователен и верен себе, что даже собственный житейский опыт не принимает в расчет. У него словно не было детства и отрочества, родных и близких, ничего, что обычно служит человеку какой-то опорой, поддерживает его, направляет думы и помыслы, помогает разобраться в настоящем и будущем.

Андрей Бирюков в своем движении в будущее лишен опоры. Не потому ли при чтении романа создается странное впечатление: человек, всеми силами

устремленный в будущее, живущий одним желанием успеть за бегущим днем, остается на месте.

Бирюков так и не поднялся в романе до настоящего дела, не стал тем героем, который, перестраивая жизнь, перестраивается и сам. Основной конфликт сводится, по существу, к желанию Андрея Бирюкова изменить характер преподавания. Этому желанию противодействуют директор школы, завуч и Коковина. Но так как благородное желание героя пришло в противоречие с его же собственными поступками, то борьба, по существу, оказалась безрезультатной. «Благополучный» финал романа по отношению к действительному развитию характеров является внешним. Известное решение правительства о перестройке обучения совпало с желаниями героя и его единомышленников. Загарьевская же школа к новому требованию внутренне не подготовлена. Инициатор перестройки Бирюков не стал во главе «движения снизу». Кроме эмоций, пока ничего нет за душой у двух-трех его единомышленников. Лишь у Василия Тихоновича дело обстоит несколько лучше: он имеет отремонтированный руками ребят трактор.

Как будет развиваться, по какому пути пойдет Бирюков, сказать трудно. Он еще не нашел своей точки опоры, не выбрал жизненной позиции. К тому же ответ осложняется отношением автора к Бирюкову. В. Тендряков, видимо, полагает, что оставил своего героя на верном пути, но в действительности Бирюков даже не приблизился к истинному пониманию своей роли в жизни. В наше время, повторяя, мало хотеть, надо уметь. Незрелость Бирюкова особенно отчетливо проявилась в личных делах, в любви. Как и Павел Теплов, Бирюков не сдал экзамен на *человечность*.

Не сдал такого экзамена и старый медвежатник Семен Тетерин из повести «Суд» Владимира Тендрякова. Кондовый охотник, убивший шестьдесят медведей, честный человек, хорошо знавший себе цену, ко-